

К ВОПРОСУ О «ГРАЖДАНИЗАЦИИ» АФРИКАНСКИХ ОБЩЕСТВ

В последние десятилетия (1990–2010-е годы) в исследовательской литературе по Африке заметное место занимают вопросы становления гражданских обществ (ГО). На первый взгляд, ситуация в большинстве стран региона не дает оснований для постановки этих вопросов, особенно учитывая евро-американское происхождение и довольно рыхлое содержание самой концепции гражданского общества. Между тем в странах Юга, включая африканские, «появились новые акторы, принадлежность которых к гражданскому обществу вряд ли может быть оспорена» [Planche 2007: 45].

Цель статьи — краткий обзор общих условий, определяющих фактическое положение в этой сфере общественных отношений в странах Африки.

Возникновение гражданских организаций в странах Юга определялось рядом внутренних и внешних факторов. К первым относится ослабление государств в отпадении их основных социальных функций — ситуация, в которой эти организации становились для населения некоей альтернативой государству; рост т.н. новых промежуточных элит (юристы, медики, журналисты и проч.), вызвавший создание разного рода ассоциаций. Ко вторым — окончание холодной войны, расширившее политическое пространство для организаций гражданского общества (ОГО); размножение международных неправительственных организаций, создававших свои отделения в развивающихся странах; увеличение международной официальной помощи странам Юга в обход их государственных структур. Эти процессы наблюдались, разумеется, и в Африке, как в ее беднейшей, субсахарской части, так и в арабских государствах континента.

Новая ситуация вызвала большое количество исследований, так или иначе примерявших «одежды» ГО к странам Юга. Не обходят эту тему и африканские авторы. Актуальность проблематики становления ГО признается — правда, довольно глухо — в официальных документах Африканского союза. В российской африканистике эта проблема-

тика (возможность/невозможность возникновения ГО) впервые стала предметом рассмотрения в 1994 г. (VI конференция африканистов).

Прежде чем обратиться к африканским реалиям, целесообразно затронуть некоторые общие вопросы, относящиеся к пониманию гражданского общества.

Как феномен терминологически общепризнанный ГО в сущностном отношении остается одним из самых «неконсенсусных» понятий в обществоведении. Разночтения здесь многочисленны. Что включает и что исключает эта категория? Какова связь гражданского общества с государственно-политической системой и экономикой, его морально-ценностная основа, соотношение общего и групповых интересов и т.д.?

Довольно распространенная трактовка ГО как совокупности добровольно создаваемых самоуправляемых общественных (гражданских) организаций применительно к Африке и другим регионам Юга оставляет за бортом относительно мелкие локальные группы, выражающие локальные же конкретные интересы (земельные, имущественные и проч.), далекие от «высоких материй» общедемократических ценностей, прав человека и т.п. Между тем сама потребность в решении тех или иных вопросов, затрагивающих интересы не одного, а группы лиц, и соответствующие коллективные действия в этом направлении (разнообразные формы взаимопомощи, взаимного оказания услуг) придают таким преимущественно неформальным объединениям характер общественных сетей, «отлучение» которых от гражданского общества неправомерно, тем более что социальная база локальных сетей заведомо шире (хотя статистически это подтвердить невозможно) таковой организационно оформленного сектора ГО. Дело в том, что создание и функционирование «настоящих» гражданских организаций может обеспечиваться в основном лишь материально состоятельными и образованными людьми. Их профессионально-корпоративный, в большинстве случаев, характер определяет неспособность или малую способность выражать интересы бедняцкой малограмотной массы населения.

Тем более значимо существование неформальных локальных сетей, особенно в сельской местности, образующих, в сущности, низовую, базовую часть ГО во многих странах Африки. Ее «малозаметность» не меняет дела. Оставаясь достаточно устойчивой, эта низовая база африканских ГО не отгорожена, разумеется, от воздействия факторов, минимального в отношении самих локальных сетей, но сужаю-

щих, в основном, возможности движения от зачатков гражданского общества к его более полным проявлениям.

Прежде всего, это низкий уровень экономического развития, определяющий слабость, особенно в промышленном секторе, предпринимательской прослойки «среднего класса» как одной из несущих опор ГО; неграмотность (малограмотность) и бедность большей части населения; огромный разрыв между этой низовой массой, повседневно вынужденной решать насущные вопросы выживания, и узкими «верхами» социума с их à la европейской моделью потребления; устойчивость патронажно-клиентельных отношений; приниженное социально-правовое положение женщин; этнокультурная чересполосица во многих странах; межэтнические, конфессиональные и социальные конфликты; «неважное» отношение правящих элит к РЕАЛЬНОЙ демократизации политических режимов; преобладание авторитаризма, пусть более или менее смягченного, над политической демократией. Учет этих факторов необходим для объективной оценки сегодняшнего состояния и перспектив «гражданизации» африканских обществ.

Но и с учетом преобладающей в бедных странах сетевой части гражданского общества «организационная» трактовка последнего отличается от его широкого понимания как общества, в котором более или менее реально обеспечены экономические, социальные, культурные, политические права граждан. Тем не менее первая связана со вторым, поскольку предполагает движение от простого наличия гражданских организаций к обществу с широкими и прочными демократическими основами.

Укрепление гражданских институтов, по определению составляющих важный элемент демократии, является одним из необходимых условий такого движения. Однако это не может происходить вопреки «воле» государства, пусть ослабленного экономически, но сохраняющего все рычаги политической власти, более или менее реальный политический контроль над жизнью общества как через правящую партию, так и средствами собственно государственных органов и структур — суда, полиции, армии и др. Следовательно, усиление влияния гражданских организаций возможно лишь при «благосклонном» отношении государственной власти к этому процессу.

Сама по себе их деятельность может в какой-то мере способствовать вызреванию такого отношения, формированию програжданских тенденций в государственных структурах, в правящей партии и даже на верхнем этаже государственного руководства. Но здесь основную роль в известной переориентации африканских лидеров на либерально-демократические ценности сыграло, безусловно, внешнее давление. Как бы то ни было, активность гражданских организаций и государственная политика по отношению к ним не могут не быть взаимосвязанными — позитивно («партнерство») или негативно («конфронтация») в зависимости от конкретного содержания деятельности одной и политики другой из сторон, но в основном все же от политики государства как изначально более сильной (властной) стороны.

Другое условие движения к демократическому обществу — поступательное развитие экономики, количественное (рост ВВП) и качественное (улучшение отраслевой структуры, технологической базы и «человеческого капитала»), обеспечивающее увеличение занятости, повышение жизненного уровня населения, особенно его огромной бедняцкой массы, столь характерной для большинства африканских стран.

Возможность такого развития зависит от характера социально-экономической политики государства. В течение всего постколониального периода и особенно с 1980-х годов эта политика находилась под сильным воздействием внешних факторов. Конкретно — масштабов, содержания и направленности внешней помощи; политико-идеологического влияния ее основных доноров, выразившегося в «привитии» африканским лидерам неолиберального подхода к экономике, ключевым элементом которого является радикальная перемена ролей государства и рынка (в пользу второго); процессов экономической глобализации, принявших неолиберальную же окраску.

Суммарным итогом «работы» этих факторов стала ярко выраженная экономическая маргинализация большинства стран континента, следовательно, и всей Африки. Ее основными социальными проявлениями выступают хроническая бедность преобладающей части населения, рост незанятости, массовая неграмотность, широкое распространение тяжелых заболеваний и т.д. Опасное не только для Африки углубление социального кризиса вызвало известную переориентацию политики Бреттон-Вудских институтов и западных государств

доноров «официальной помощи развитию» с вопросов «структурной адаптации» экономики на «борьбу с бедностью».

В официальном подходе международных организаций ставка на осуществление программ адаптации, одним из результатов которых стала как раз эскалация бедности (индекс человеческого развития во многих африканских странах был в начале 2000-х годов ниже, чем в 1960 г. [Adésinà 2006: 17]), уступили место принятым ООН в 2000 г. «Целям развития в новом тысячелетии» (Millenium Development Goals). Первой из них является сокращение наполовину (с уровня 1990 г.) к 2015 г. доли людей, доход которых не превышает 1 долл. в день, то есть живущих в крайней бедности [The Millenium... Report 2007: 6].

Изменились ли при этом фигурировавшие в программах адаптации 1980–1990-х годов приоритеты собственно экономической политики, рекомендуемые африканским странам? По мнению многих африканских исследователей (Сам Мойо, Секу Сангаре, Дон Кит, Зо Рандриамара и др.), при ряде бесспорных положений, в целом идея развития в таких рекомендациях (например, докладе Комиссии Блэра) «заменена или подчинена дискурсу торговли и помощи»; проявляется «коллективная амнезия» опыта политики структурной адаптации. Африканским странам фактически предлагается делать больше того же, что навязывалось Бреттон-Вудскими институтами: углублять рыночную либерализацию и приватизацию, улучшать «управление» и бороться с коррупцией [Adésinà, Graham, Olukoshi 2006: 17].

Между тем двадцать с лишним лет структурной адаптации привели не к реальным структурным изменениям в экономиках, а к усилению их сырьевого характера, уязвимости от внешних потрясений и нарастанию бедности. Провал программ структурной адаптации ныне общепризнан, отмечал «Монд дипломатик» в ноябре 2006 г. Они нанесли африканским странам «значительный структурный ущерб»: во-первых, ослабили сельскохозяйственный сектор, ухудшив тем самым положение двух третей населения субсахарской Африки (ССА); во-вторых, «сплющили» средние классы, подъем которых эвентуально открывал бы перспективы социальной мобильности для наиболее обездоленных слоев; в-третьих, либеральная идеология ослабила государство, превознося бюджетное равновесие, финансовую либерализацию, открытие рынков, приватизацию и т.д.

Упомянутые африканские экономисты резонно указывают на то, что при всем возможном значении перемен в несправедливой по отношению к бедным странам торговой политике государств ОЭСР дискуссия о более свободном доступе сырьевых экономик к их рынкам обходит главное – проблему реального экономического подъема оставших стран:

«Ничто ... в теории и практике не указывает, что динамичная и крепкая экономика может быть создана на сырьевых, особенно сельскохозяйственных, товарах. Если дебаты по вопросу о “доступе к (внешнему) рынку” и могут удовлетворять тех, кто хочет казаться протягивающими руку помощи Африке, их добрая воля не стоит очень многого как раз ввиду их неспособности указать на фундаментальные структурные проблемы, определяющие характер политической экономики африканских стран и путь их интеграции в глобальную экономику... При отсутствии последовательной и ясной промышленной политики создания цепочки приращения стоимости требование большего доступа к рынку становится отвлекающим действием... Последовательная промышленная политика – единственный жизнеспособный путь, на котором Африка может рассчитывать на соединение своей торговой политики со стратегией развития» [Adésinà, Graham, Olukoshi 2006: 17, 18].

Выше отмечалась общая, хотя и в разной степени выраженная, черта среднего класса в странах Африки – слабость его хозяйственно-предпринимательского слоя, определяющая и низкие экономические возможности этой социальной группы, и ее малозаметную роль в становлении ГО. Взятый в целом, средний класс включает, разумеется, не только собственников мелких и средних предприятий в сферах производства и услуг, но и руководящих работников административного аппарата, интеллектуальную элиту, офицерский корпус и т.п. — в разных пропорциях в разных странах. Их поведение определяется конкретной ситуацией, спецификой прав и обязанностей в рамках того или иного статуса, политической культурой, общими традициями в отношениях между людьми и т.д. Как бы то ни было, средний класс составляет ту социальную страту, которая объективно наиболее дееспособна в любой стране, не исключая экономически отсталые и политически нестабильные страны, которых немало в Африке.

Как одно из проявлений отсталости большинства африканских стран, хозяйственная слабость мелких и средних предпринимателей может преодолеваться лишь в ходе общего социально-экономического развития. Первые годы нового столетия отмечены в Африке определенной экономической динамикой. Но вызвана она была главным образом благоприятными для африканских стран конъюнктурными подвижками на мировом рынке. Их резкое обращение вспять с осени 2008 г. усиливает объективную необходимость более активной роли государства в решении проблем развития — экономического, социального, политического, в ходе которого только и возникают условия становления и укрепления гражданского общества.

Политические препятствия процессу демократизации определяются и характером африканских политических элит, их интересами и методами деятельности, и пока еще невысокой в целом политической зрелостью широких масс населения, и устойчивой конфликтностью межэтнических отношений во многих странах.

На чисто политическом уровне властвующим элитам во многих странах противостоят элиты оппозиционные. Наиболее существенно влияние последних там, где имеется значительный опыт политической, а то и вооруженной межпартийной борьбы (Алжир, Египет, Судан, ЮАР, Ботсвана, Зимбабве и некоторые другие). В мусульманской Северной Африке наиболее сильным компонентом политической оппозиции являются исламистские движения. Характер их деятельности зависит от степени радикальности целей, во многом определяемой конкретными социально-экономическими условиями и политическим курсом правящих групп. Набор вариантов отношений между исламистскими организациями и правящими группами включает длительное вооруженное противостояние (Алжир), административное подавление исламистских организаций и жесткий контроль над ними (Тунис), их «встроенность» в политический режим без превращения последнего в исламистский (Марокко), довольно активную и разнообразную, но все же контролируруемую властями деятельность исламистов (Египет).

Возможности становления гражданского общества как своего рода мерила демократичности государства и в Северной, и особенно в Тропической Африке во многом определяются характером политической культуры, то есть той части общей культуры, которая непосредственно

связана с политической деятельностью, сознанием и поведением активных субъектов общества, и так или иначе — с экономикой, правом, религией и моралью. Большинству участников политических процессов присущи традиционные представления о власти, лидерстве, обществе, базирующиеся на издавна привычных, прочно закрепившихся в сознании обычаях, символах, нормах. Приоритет общинной, клановой, племенной, этнической солидарности не исключает, разумеется, индивидуальный, личный интерес, но его удовлетворение возможно лишь в рамках и усилиями общности, коллектива.

Такие представления не остаются, конечно, неизменными, но их основа все же сохраняется, во многом определяя конкретные формы, методы и направления общественно-политической деятельности.

В 1990-х годах формирование гражданского общества, практически впервые после обретения независимости африканскими странами, должно было приобрести некие конкретные очертания, составляя, в принципе, неотъемлемый элемент официальной демократизации, начатой по настоянию Запада и под давлением массовых антиавторитарных выступлений населения. Однако этот (гражданский) элемент на практике оказался в тени первых многопартийных избирательных кампаний, на ход которых сильное влияние оказывала традиционная политическая культура: ее каноны предписывали избирателям следовать рекомендациям вождей в своих предпочтениях тем или иным кандидатам на посты в исполнительной и законодательной власти. Существенную роль при этом играл этнический фактор, почти всегда определявший приемлемость или неприемлемость кандидатов для рядового африканца, оказавшегося перед урной для голосования.

Не меньшее воздействие на политические процессы (и на политическую культуру) оказывает размежевание африканского общества на относительно устойчивые социальные группы очень богатых и очень бедных. Несомненно, глубокая социальная дифференциация размывает былое тотальное господство традиционной политической культуры, остающейся, однако, преобладающей для большинства населения. Характеризующие ее солидарности общинного, кланового, патронажно-клиентельного, этнического порядка не могут не препятствовать вызреванию иного, гражданского сознания, не «упраздняющего», конечно, традиционные нормы, но как бы стоящего НАД ними, умеряющего их приоритетность, «всевластие».

При всех сложностях, тормозах, преградах процессам гражданизации общества в странах Африки фактом остается существование и нередко активная деятельность множества разнообразных общественных объединений, составляющих т.н. третий, или некоммерческий, сектор — в отличие от государственного (власти) и коммерческого (бизнеса). Он охватывает широкий круг субъектов — от сетевых локальных групп до добровольных организаций структурированного типа: профсоюзов, женских, молодежных, религиозных, этнических, корпоративных, природо- и правозащитных и т.д.

Обычно все они обозначаются как «неправительственные организации» — НПО. Но собственно НПО — это другой вид организаций по своему происхождению и основным функциям. Их понятийный источник связан с образованием ООН, с ее Уставом, принятым в 1945 г. и предусматривавшим участие НПО в решении экономических и социальных вопросов. По мере утверждения либерально-демократической модели мироустройства деятельность таких НПО, распространявшаяся на развивающиеся страны, соответствовала, разумеется, этой модели и политике международных финансовых институтов.

В условиях ослабления «развивательной» роли государства в Африке НПО, возникавшие в странах Запада (нередко по инициативе и при содействии государственных администраций) стали рассматриваться в качестве а) канала содействия социально-экономическому развитию и б) инструмента продвижения демократии в «отсталых» обществах. Эти функции исполняются как непосредственно западными и международными НПО, так и созданными в развивающихся странах их формально автономными местными «копиями». Обе указанные функции, особенно первая, реализуются на финансовой базе, обеспечиваемой зарубежными донорами.

Не на последнем месте стоит и роль западных НПО как инструмента усиления политического влияния (а заодно и экономических позиций) стран-доноров в еще не вполне устойчивых государствах. Особенно деятельны в этой области США. Такая практика, впрочем, естественна в современном мире, если она не идет вразрез с нормами международного права. Как представляется, она не дезавуирует позитивные аспекты деятельности собственно, или в узком смысле, НПО,

являющихся одним из сегментов (в глазах экспертов МВФ-ВБ — важнейшим, основным) совокупности гражданских организаций и сетей в Африке.

В большинстве стран континента эта совокупность еще не составляет сколько-нибудь целостного, системного образования, позволяющего расценивать ее как гражданское общество с «африканским лицом». И не может составлять, поскольку этим странам еще далеко до некоего «достойного» уровня социально-экономического развития.

Движение в этом направлении — процесс весьма длительный. И возможно ли оно вообще? В Африке и вне ее немало скептиков в оценке будущего. Но есть и оптимисты, не считающие непреодолимыми все те препятствия, которые стоят на пути социально-экономического и политического прогресса, связанного и со становлением гражданского общества. Его еще нет в большинстве африканских стран. Но есть многочисленные, разнообразные, живые ростки гражданской организации — источник оптимистичного в общем видения гражданской будущности африканских обществ.

Литература

Adésinà Y.O., Graham Y., Olukoshi A. (ed.). Africa and Development in the New Millenium. The NEPAD Debate. Dakar, CODESRIA; London & N.Y.: Zed Books; Pretoria: UNISA Press, 2006. 278 p.

The Millenium Development Goals. Report 2007. UN. N.Y. 2007.

Planche J. Société civile, un acteur historique de la gouvernance. Paris: Éditions Charles Léopold Mayer, 2007. 143 p.